

Статья поступила в редакцию: 09.09.2026

Статья принята к публикации: 15.09.2026

Статья опубликована: 21.09.2026

УДК 821.161.1

DOI: 10.32743/UniPhil.2026.147.9.23405

## Эпистолярное наследие А.А. Ахматовой: судьба, окружение и мировоззрение поэта в зеркале частной переписки

**Эркина Арина Алексеевна**

магистрант

Московский педагогический государственный университет

Российская Федерация, г. Москва

E-mail: arinaerkina2004@mail.ru

## Akhmatova's epistolary legacy: fate, milieu and worldview of the poet in private correspondence

**Erkina Arina Alekseevna**

master's student

Moscow Pedagogical State University

Russia, Moscow

### Аннотация

Цель исследования – выявить механизмы формирования биографического и художественного образа А.А. Ахматовой в её эпистолярном наследии и определить функции частной переписки как самостоятельного источника изучения судьбы, литературного окружения, мировоззрения поэта. Материалом послужили письма Ахматовой к Н.Н. Пунину, Б.В. Анрепу, Н.И. Харджиеву, письма О.Э. Мандельштама к Ахматовой, обращения к И.В. Сталину; привлекались архивные публикации, мемуарные свидетельства Л.К. Чуковской и Н.А. Роскиной. Методологической основой послужили принцип «литературной биографии» Л.В. Лосева, согласно которому биографический факт становится филологическим аргументом при его проявлении в структуре художественного слова, концепция «нарративной идентичности» П. Рикёра, рассматривающая самоконструирование субъекта через повествование о себе; применялись биографический, лингвостилистический методы анализа. В результате исследования установлено, что ключевые биографические вехи (расстрел Н.С. Гумилёва, аресты О.Э. Мандельштама и Л.Н. Гумилёва, письма к Сталину) закреплены в переписке через устойчивое лексико-семантическое поле судьбоносности («рок», «судьба», «провидение»), а конспиративная риторика писем отражает механизм осознанной самоцензуры в условиях политического и административного контроля.

---

**Библиографическое описание:** Эркина А.А. Эпистолярное наследие А.А. Ахматовой: судьба, окружение и мировоззрение поэта в зеркале частной переписки // Universum: филология и искусствоведение : электрон. научн. журн. 2026. 9(147). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/23405>

Показано, что переписка с М.А. Кузминым и О.Э. Мандельштамом выполняла функцию легитимации акмеистического содружества. Вывод исследования состоит в том, что эпистолярный Ахматовой представляет собой целостный нарративный текст, соизмеримый по значимости с поэтическим корпусом. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов при подготовке биографических, текстологических комментариев к изданиям переписки Ахматовой, в курсах по истории русской литературы XX века.

Рассмотрение переписки в широком историческом контексте показывает противоречивость положения Ахматовой в советской культуре; опыт политического давления, семейной катастрофы сосуществовал с участием в официальных литературных институтах, периодами государственной, литфондовой поддержки, а критическая дистанция по отношению к властным практикам – с безусловной солидарностью с государством, народом в период внешней военной угрозы.

### Abstract

The aim of this study is to identify the mechanisms underlying the formation of Anna Akhmatova's biographical and artistic image in her epistolary legacy and to determine the functions of private correspondence as an independent source for investigating the poet's life, literary milieu, and worldview. The material comprises Akhmatova's letters to Nikolai Punin, Boris Anrep, and Nikolai Khardzhiev; Osip Mandelstam's letters to Akhmatova; and her appeals to Joseph Stalin. Archival publications and memoir testimonies by Lydia Chukovskaya and Natalia Roskina are also examined. The methodological framework is based on Lev Losev's principle of «literary biography», according to which a biographical fact becomes a philological argument when it is manifested in the structure of the literary word, and on Paul Ricoeur's concept of «narrative identity», which views the subject's self-construction through self-narration. Biographical and linguo-stylistic methods of analysis were employed.

The study establishes that key biographical milestones – the execution of Nikolai Gumilev, the arrests of Osip Mandelstam and Lev Gumilev, and Akhmatova's letters to Stalin – are inscribed in the correspondence through a stable lexico-semantic field of fatefulness («doom», «fate», «providence»). The conspiratorial rhetoric of the letters, meanwhile, reflects a mechanism of deliberate self-censorship under conditions of political and administrative control. The study also shows that Akhmatova's correspondence with Mikhail Kuzmin and Osip Mandelstam served to legitimize the Acmeist community. The study concludes that Akhmatova's epistolary corpus constitutes an integral narrative text comparable in significance to her poetic corpus. The practical relevance of the research lies in the possible application of its findings to the preparation of biographical and textual commentaries for editions of Akhmatova's correspondence, as well as to courses on the history of twentieth-century Russian literature. Examining the correspondence within a broad historical context reveals the contradictory nature of Akhmatova's position in Soviet culture: experiences of political pressure and personal tragedy coexisted with participation in official literary institutions and periods of state, Literary Fund support, while a critical stance toward the practices of power existed alongside unwavering solidarity with the state and the people during times of external military threat.

**Ключевые слова:** эпистолярное наследие, А.А. Ахматова, литературная биография, нарративная идентичность, акмеизм, паратекст, автобиографизм.

**Keywords:** epistolary legacy, Anna Akhmatova, literary biography, narrative identity, acmeism, paratext, autobiographism.

## Введение

Эпистолярный жанр в истории русской литературы XX века занимает особое положение на границе между частным высказыванием и литературным фактом, образуя, в терминологии Жерара Женетта, зону «эпитекта» [1, с. 358] – элементов паратекста, существующих отдельно от самого текста. В случае Анны Андреевны Ахматовой данное пространство приобретает особую значимость: письма, охватывающие полувековой период (от акмеистического Царского Села 1910-х годов до ленинградской «оттепели» 1960-х), становятся биографическим комментарием и самостоятельным текстом, в котором формируется, корректируется образ поэта. Сборник «Стихи и проза» обозначил для советского читателя контуры данного паратекстуального поля, а «Записки об Анне Ахматовой» Лидии Чуковской задали развёрнутый, фактографически выверенный контекст восприятия ахматовского слова, зафиксировав устные высказывания поэтессы, существенная часть которых носит эпистолярно-дневниковый характер [14].

Целью данного исследования является выявление механизмов формирования биографического и художественного образа А.А. Ахматовой в её эпистолярном наследии; задачи исследования включают систематизацию источниковедческой базы ахматовского эпистолярия, определение методологических подходов к его анализу, выявление ключевых биографических, идеологических, лингвостилистических констант, отражённых в переписке поэта.

## Материалы и методы

Источниковедческая база изучения ахматовского эпистолярия значительно расширилась за последние три десятилетия. Архивные материалы РГАЛИ, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Пушкинского Дома содержат корпус писем Ахматовой к Николаю Пунину, Борису Анрепу, Льву Гумилёву. Переписка с Пуниным (1922 – 1938) частично опубликована в издании «Мир светел любовью» (2000). Сохранившиеся «разговорные книжки» (блокноты письменного диалога) стирают границу между эпистолярным и дневниковым жанрами, фиксируют привычку к осторожному, рассчитанному на возможного постороннего читателя высказыванию [13].

Корреспонденция с Б.В. Анрепом раскрывает заочную связь советского и эмигрантского культурных миров, а переписка с Л.Н. Гумилёвым, документированная публикациями в журнале «Звезда», подвергалась перлюстрации, приобретала вынужденную лаконичность (для справки: точно так же корреспонденция заключённых подвергалась перлюстрации, например, в США).

Методологическую основу анализа составляют два взаимодополняющих подхода. Первый – принцип «литературной биографии» Льва Лосева, согласно которому биографический факт становится филологическим аргументом лишь в той мере, в какой он

проявлен в структуре художественного слова; применительно к ахматовскому эпистолярию это позволяет выявить механизм формирования «авторского мифа» – процесс, о котором свидетельствовала Наталия Роскина, отмечая целенаправленность ахматовских рассказов о себе [11].

Второй вектор анализа – нарративная герменевтика Поля Рикёра, утверждающая, что субъект конституирует себя через повествование о себе, придающее опыту связность, смысл [12, с. 30]. Для писем Ахматовой такой подход продуктивен именно потому, что они являются осознанными нарративными актами, в которых пишущий выстраивает «самость» через отбор событий, стилистические маркеры.

### Результаты и обсуждение

Исторический контекст, в котором формировалось эпистолярное поведение Ахматовой, не сводится к односторонней характеристике государственного контроля. Советский проект представлял собой масштабную попытку государственного воплощения марксистской доктрины, сформировавшейся в западноевропейской интеллектуальной культуре XIX века, переработанной большевиками применительно к российским условиям. Отношения власти и интеллигенции определялись одновременно задачами культурного строительства, вовлечением специалистов дореволюционной формации в новые институты, жестким подавлением политической и культурной оппозиции. В данном противоречивом поле находилась и сама Ахматова; исходя из семьи потомственного дворянина, создавая «Реквием» как свидетельство государственного насилия, она состояла в Союзе советских писателей и в отдельные периоды получала институциональную поддержку через Литфонд; после исключения из Союза в 1946 году данная поддержка была в основном прекращена, а в 1951 году поэтесса была восстановлена [15].

Биографические вехи Ахматовой преломляются в эпистолярном тексте, образуя единый нарратив судьбы. Царскосельский период окружён впоследствии аурой ретроспективной идеализации, а строка «Реквиема», обращённая к самой себе юной, задаёт риторическую фигуру автокоммуникации, структурно тождественную эпистолярному жанру. Трагическая кульминация биографии (политические репрессии 1930-1940-х годов) запечатлена через фигуры умолчания. Их историческая предыстория включала кризис позднимперской государственности, радикализацию части общества, интеллигенции, Первую мировую войну, революции 1917 года и Гражданскую войну. Падение монархии объясняется в историографии совокупностью социально-экономического и политического кризиса, утраты доверия к верховной власти, деятельности оппозиционных партий, отчуждения части элит. Советское руководство, сформировавшееся в условиях революции, вооружённого противостояния, перенесло логику борьбы с политической оппозицией в последующие десятилетия; в 1930-е годы данная практика приобрела масштаб репрессий. Такая перспектива позволяет учитывать историческую преемственность политического насилия, не выводя конкретные преследования из вины «интеллигенции» как единого социального субъекта [8].

Показательно письмо Мандельштама к Ахматовой от 25 августа 1928 года, приуроченное к годовщине расстрела Гумилёва: «Беседа с Колей не прервалась и никогда не прервётся» [7] – формула, в которой эпистолярное высказывание принимает на себя функцию мандельштамовского «засмертного разговора».

При советской власти Н.С. Гумилев «...на одном из своих поэтических вечеров, когда ему из зала задали вопрос «каковы его политические убеждения», он бесстрашно ответил: «Я — монархист»» [6]. А как следует из документов, обосновывавших реабилитацию, Гумилев дал согласие Вячеславскому на участие в «контрреволюционной» организации и получил от того в этом контексте небольшую сумму денег.

Арест Мандельштама в 1934 году зафиксирован Ахматовой лаконичной записью «Искали стихи» [2], где поэтическое слово предстаёт как вещественное доказательство, а творчество – как преступление. Двойной арест Пунина и Льва Гумилёва в 1935 году стал поворотным моментом, после которого эпистолярное поведение Ахматовой приобрело черты осознанной самоцензуры: записные книжки содержат хронику «Пишу Сталину. На 9-й день они дома» [3], где каждое слово несёт судьбоносную тяжесть.

Внимание органов к Н.Н. Пунину имело конкретную институциональную и политическую предысторию. После 1917 года он сотрудничал с Наркомпросом, был комиссаром Русского музея и Эрмитажа, заведовал Петроградским отделом изобразительных искусств, участвовал в советском культурном строительстве. В 1921 году его арестовали в связи с делом «Петроградской боевой организации», но освободили после снятия обвинений. В 1935 году Пунину вменяли участие и идейное руководство «контрреволюционной террористической группой студентов»; через несколько дней он был освобождён, а дело прекращено. Аресту 1949 года предшествовала кампания против «формализма»; в следственное дело был включён его доклад об импрессионизме, а обвинение формулировалось как антисоветская агитация и организационная деятельность. В 1957 году Пунин был реабилитирован, а в 2001 году Прокуратура РФ вынесла постановление о его полной реабилитации [4].

Повторный арест сына в 1938 году спровоцировал семнадцать месяцев тюремных очередей и одновременно эпистолярное молчание: Ахматова заменила письма устной передачей через доверенных лиц, что зафиксировала Лидия Чуковская [5].

Автобиографизм ахматовского эпистолярия проявляется в устойчивой системе повторяющихся мотивов утраты и стойкости. Роскина точно описала механизм данного автобиографизма: поэтесса сознательно конструировала «концепцию своей жизни», в центре которой стояли фигуры Гумилёва, трагической предопределённости. Об устойчивости концепции свидетельствует избирательность обращения Ахматовой с собственным архивом, она сжигала одни тексты, опасаясь политических последствий, но бережно хранила другие, включая автографы Блока, Гумилёва. Письмо для Ахматовой было одновременно средством самовыражения, потенциальной уликой, что определяло двойственную риторику переписки, в которой лирическое сочетается с конспиративным.

Лексика ахматовского эпистолярия обнаруживает устойчивое семантическое поле судьбоносности, организованное вокруг лексем «рок», «судьба», «провидение». Пунин, описывая свои отношения с Ахматовой, использовал формулу «я предпочитаю гибель страху её потерять», где метафора обернулась биографической реальностью; он погиб в лагере Абезь в 1953 году. Данный дискурсивный регистр не совпадает с поэтическим, частное письмо выступает лабораторией, в которой вырабатывается язык, впоследствии кристаллизующийся в поэтической строке.

Понятие поэтического круга обладает для Ахматовой особым семантическим измерением. Переписка с М.А. Кузминым, автором предисловия к дебютному сборнику «Вечер» (1912), стала первым «паратекстом», легитимизировавшим поэтический голос Ахматовой в глазах читательской аудитории. Центральной осью акмеистического эпистолярного пространства являлась связь с Мандельштамом, чьё письмо 1928 года многократно возникало в записных книжках Ахматовой как аргумент нерасторжимости акмеистического содружества. По наблюдению О.А. Лекманова, триада Гумилёв – Мандельштам – Ахматова составляла ядро школы, а акмеизм понимался как «чувство ответственности», которого не было у символистов.

Переписка с Н.И. Харджиевым, опубликованная Э. Бабаевым, фиксирует конспиративную семантику высказываний, не называющих имён и обстоятельств, ставшую нормой общения той части оппозиционно настроенной интеллигенции, которая воспринимала частную переписку как потенциально контролируемый канал коммуникации.

Переходя от реконструкции окружения к анализу убеждений, необходимо подчеркнуть, что эстетические императивы Ахматовой формировались в непрестанной полемике с доктриной социалистического реализма. После постановления ЦК ВКП(б) 1946 года, объявившего Ахматову представительницей «безыдейной поэзии», показательна её эзоповская реакция на встрече с английскими студентами в 1954 году, квалифицированная А.К. Жолковским как форма стоического дистанцирования от системы [5].

Идеологические константы мировоззрения Ахматовой (патриотизм, культурная ответственность, критическая дистанция по отношению к государственным институтам) образовывали не статичное противопоставление, а исторически меняющееся соотношение государства и Родины. В письмах к Сталину 1935 и 1950 годов государство предстаёт адресатом ходатайства, от решений которого зависит судьба близкого человека; в «Реквиеме» – источником переживаемого насилия. Но в годы Великой Отечественной войны защита Советского Союза осмысливается как защита Родины, народа, города, языка: стихотворения «Клятва» (1941) и «Мужество» (1942), ленинградское радиообращение показывают совпадение гражданского, культурного императивов перед лицом внешней угрозы. Следовательно, различие государства и Родины у Ахматовой не означает безусловного противопоставления; в ситуации войны ущерб советскому государству одновременно воспринимается ею как ущерб исторической России, её культуре.

Интертекстуальные связи между эпистолярием и поэтическим корпусом Ахматовой образуют герменевтический круг, в котором адресаты писем становятся прототипами лирических персонажей, а стихотворные посвящения выступают формой опосредованного эпистолярного послания; так, сборник «Белая стая» (1917) содержит множество текстов, обращённых к Б.В. Анрепу, Н.В. Недоброву, А.А. Блоку, формируя систему эпитекстуальных указателей, отсылающих к реальным биографическим отношениям.

Лингвостилистический анализ эпистолярного, прозаического дискурса Ахматовой обнаруживает устойчивую систему риторических фигур, в которых античные аллюзии, библейская образность функционируют как инструменты самоидентификации; образы Кассандры и других «античных героинь-зеркал», по наблюдению Т.В. Цивьян, становились

для поэтессы точкой отсчёта для толкования собственной судьбы, а библейская «тайнопись» проникала даже в частную переписку, как показывает терцина на конверте письма к Харджиеву 1932 года, формирующая метафорическую «карту гибели» русских поэтов.

### Заключение

Таким образом, эпистолярный Ахматовой функционирует как целостное поле, в котором судьба, окружение и убеждения поэта неразрывно сплетены, а частное письмо становится документом, соизмеримым по значимости с поэтическим текстом. Проведённый анализ подтверждает продуктивность сочетания принципа «литературной биографии» Л.В. Лосева и концепции «нарративной идентичности» П. Рикёра для изучения эпистолярного наследия писателей XX века. Полученные результаты могут быть использованы при подготовке комментированных изданий переписки Ахматовой, в преподавании курсов по истории русской литературы.

### Список литературы

1. Автономова Н.С. Фрагмент перевода книги Жерара Женетта «Пороги» и вступительная заметка переводчика // Шаги/Steps. – 2024. – Т. 10, № 4.
2. Анна Ахматова и Николай Пунин: любовь на фоне эпохи. [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/news/anna-ahmatova-i-nikolaj-punin-lyubov-na-fone-epohi/> (дата обращения: 08.07.2026).
3. Ахматова А.А. в письмах к Н.И. Харджиеву (1930-е гг.) / публ. Э. Бабаева. [Электронный ресурс]. – 1960. URL: <https://voplit.ru/article/a-a-ahmatova-v-pismah-k-n-i-hardzhievu-1930-1960-e-gg-publikatsiya-e-babaeva/> (дата обращения: 18.07.2026).
4. Бронникова, Е.В. Николай Николаевич Пунин [Электронный ресурс] / Е.В. Бронникова. // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ): [сайт]. – 2023. (дата обращения: 17.09.2026).
5. Жолковский А.К. Две версии страха: Ахматова и Зощенко. [Электронный ресурс]. URL: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/twoover/> (дата обращения: 22.07.2026).
6. Ильюнина Л. «Я – убеждённый монархист». Ко дню памяти поэта Николая Гумилёва... 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://ricolor.org/history/cu/lit/silver/gumilev/1/> (дата обращения: 15.09.2026).
7. Мандельштам О.Э. Ахматовой А.А. 25 августа [Электронный ресурс]. – 1928. URL: <https://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/pisma/letter-126.htm> (дата обращения: 09.07.2026).
8. Николай Гумилёв в воспоминаниях современников / ред.-сост., предисл. и коммент. В. Крейд. – Париж; Нью-Йорк: Третья волна; Дюссельдорф: Голубой всадник. – 1989. – 316 с.
9. Письмо А.А. Ахматовой И.В. Сталину. [Электронный ресурс]. <https://stalinism.ru/kultura-i-iskusstvo/pismo-a-a-akhmatovoj-i-v-stalinu.html>. URL: [http://www.famhist.ru/famhist/sarn\\_st\\_po/001d30e8.htm](http://www.famhist.ru/famhist/sarn_st_po/001d30e8.htm) (дата обращения: 18.07.2026).

10. Просим освободить из тюремного заключения: сборник документов / сост. В. Гончаров, В. Нехотин. С. 161–165. – Москва: Современный писатель, 1998.
11. Роскина Н.А. Четыре главы. [Электронный ресурс]. URL: [https://archive.org/details/1980\\_20240606/page/27/mode/2up](https://archive.org/details/1980_20240606/page/27/mode/2up) (дата обращения: 24.06.2026).
12. Соснин В.А., Кудрин С.К. Нарративный подход и проблема идентичности: вариант Поля Рикёра // Журнал философских исследований. – 2020. – Т. 6, № 1.
13. Черных В. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889 [Электронный ресурс]. – 1966. URL: <https://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1931–1932.htm> (дата обращения: 27.07.2026).
14. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. [Электронный ресурс]. – 1997. – Т. 2. URL: [https://imwerden.de/pdf/chukovskaya\\_zapiski\\_ob\\_akhmatovoj\\_tom2\\_1997\\_text.pdf](https://imwerden.de/pdf/chukovskaya_zapiski_ob_akhmatovoj_tom2_1997_text.pdf) (дата обращения: 14.06.2026).
15. Шнейдерман Э.М. «Элитфонд»: о деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930–1950-е годы // Звезда. – 2004. – № 1.

### References

1. Avtonomova N.S. [A fragment of the translation of Gérard Genette's book Paratexts: Thresholds of Interpretation and the translator's introductory note] // Shagi/Steps. – 2024. – Vol. 10, No. 4. – P. 357–372. (In Russ.)
2. [Anna Akhmatova and Nikolai Punin: Love against the backdrop of an era]. Available at: – URL: <https://yeltsin.ru/news/anna-akhmatova-i-nikolaj-punin-lyubov-na-fone-epohi/> (дата обращения: 08.07.2026). (In Russ.)
3. [A.A. Akhmatova in letters to N.I. Khardzhiev (1930s–1960s)] // publ. by E. Babaev. Available at: . URL: <https://voplit.ru/article/a-a-akhmatova-v-pismah-k-n-i-hardzhievu-1930-1960-e-gg-publikatsiya-e-babaeva/> (дата обращения: 18.07.2026). (In Russ.)
4. Bronnikova E.V. [Nikolai Nikolaevich Punin] // Russian State Archive of Literature and Art. Available at: . – URL: <https://www.rgali.ru/news-new/888> (дата обращения: 14.09.2026). (In Russ.)
5. Zholkovsky A.K. [Two versions of fear: Akhmatova and Zoshchenko]. Available at: – URL: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/twoover/> (дата обращения: 22.07.2026). (In Russ.)
6. Ilyunina L. [«I am a staunch monarchist.» Marking the anniversary of the poet Nikolai Gumilev's death...] 2005. [Electronic resource]. Available at: . – URL: <http://ricolor.org/history/cu/lit/silver/gumilev/1/> (дата обращения: 15.09.2026).
7. Mandelstam O.E. Letter to A.A. Akhmatova, 25 August 1928. Available at: – URL: <https://mandelshtam.lit-info.ru/mandelshtam/pisma/letter-126.htm> (дата обращения: 09.07.2026). (In Russ.)
8. Nikolai Gumilev in the Memoirs of His Contemporaries / ed., pref. and comm. by V. Kreid. Paris; New York: Third Wave; Düsseldorf: Blue Rider, 1989. (In Russ.)

9. [Letter from A.A. Akhmatova to I.V. Stalin]. Available at: [http://www.famhist.ru/famhist/sarn\\_st\\_po/001d30e8.htm](http://www.famhist.ru/famhist/sarn_st_po/001d30e8.htm) – URL: <https://stalinism.ru/kultura-i-iskusstvo/pismo-a-a-akhmatovoj-i-v-stalinu.html> (дата обращения: 18.07.2026). (In Russ.)
10. We Request Their Release from Prison / comp. by V. Goncharov, V. Nekhotin. Moscow: Sovremennyi pisatel', 1998. P. 161–165. The publication contains documents and the findings of the 1992 review of the Petrograd Combat Organization case. (In Russ.)
11. Roskina N.A. [Four Chapters]. Available at: – URL: [https://archive.org/details/1980\\_20240606/page/27/mode/2up](https://archive.org/details/1980_20240606/page/27/mode/2up) (дата обращения: 24.06.2026). (In Russ.)
12. Sosnin V.A., Kudrin S.K. [The narrative approach and the problem of identity: Paul Ricoeur's model] // Journal of Philosophical Studies. – 2020. – Vol. 6, No. 1. – P. 29–33. (In Russ.)
13. Chernykh V. [Chronicle of the Life and Work of Anna Akhmatova. 1889]. Available at: – 1966. – URL: <https://ahmatova.niv.ru/ahmatova/about/chernyh-letopis-zhizni/1931-1932.htm> (дата обращения: 27.07.2026). (In Russ.)
14. Chukovskaya L.K. [Notes on Anna Akhmatova]. Available at: – 1997. – Vol. 2. – URL: [https://imwerden.de/pdf/chukovskaya\\_zapiski\\_ob\\_akhmatovoj\\_tom2\\_1997\\_text.pdf](https://imwerden.de/pdf/chukovskaya_zapiski_ob_akhmatovoj_tom2_1997_text.pdf) (дата обращения: 14.06.2026). (In Russ.)
15. Shneiderman E.M. [“Elite Fund”: On the activities of the Leningrad Branch of the USSR Literary Fund in the 1930s–1950s] // Zvezda. – 2004. – No. 1. (In Russ.)